

Буддадаса Бхиккху

Сердцевина дерева Бодхи

*Учение Будды
о пустотности*

«Написано столь ясно
и прямолинейно,
что читатель чувствует,
насколько это реально —
вести счастливую жизнь».

*Джозеф Голдстейн,
автор книги «Внимательность.
Практическое руководство
по пробуждению»*

Самадхи (Ганга – Ориенталия)

Буддадаса Бхиккху

**Сердцевина дерева Бодхи.
Учение Будды о пустотности**

«ИД Ганга»

2014

УДК 294.3
ББК 86

Бхиккху Б.

Сердцевина дерева Бодхи. Учение Будды о пустотности /
Б. Бхиккху — «ИД Ганга», 2014 — (Самадхи (Ганга –
Ориенталия))

ISBN 978-5-907243-98-9

В «Сердцевине дерева Бодхи» Буддадаса Бхиккху простым и доступным языком излагает философию пустотности, или *suññatā*, которая лежит в самом сердце буддизма. Искусно увязывая тему пустотности с этической дисциплиной, он даёт нам ценный шанс поразмышлять о месте философии в нашей жизни. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 294.3

ББК 86

ISBN 978-5-907243-98-9

© Бхиккху Б., 2014

© ИД Ганга, 2014

Содержание

Предисловие Дональда Свиера	8
Предисловие Джека Корнфилда	12
Вступление	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Буддадаса Бхиккху Сердцевина дерева Бодхи Учение Будды о пустотности

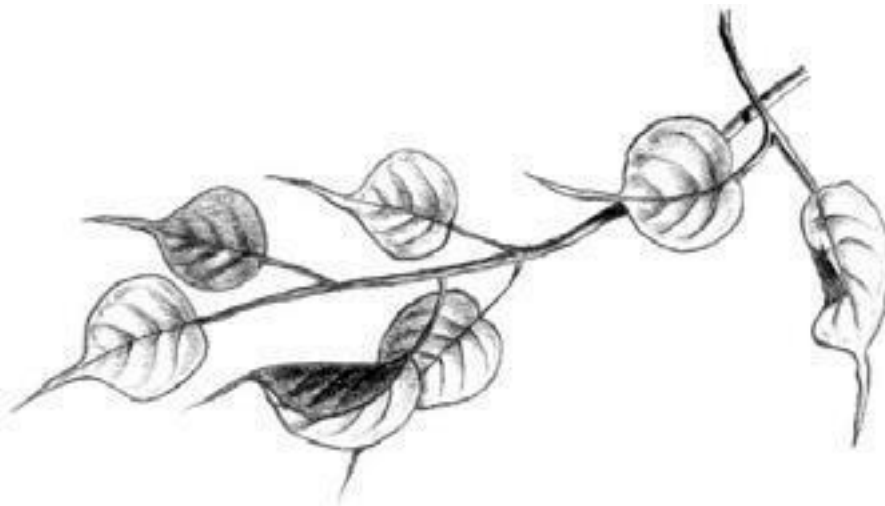

Buddhadāsa Bhikkhu
Heartwood of the Bodhi Tree
The Buddha's Teaching on Voidness
Original translation from the Thai by *Dhammicayo*
Edited by *Santikaro Bhikkhu*

Wisdom Publications
Boston

Перевод с тайского *Дхаммавичайо* под редакцией *Сантикаро Бхиккху*

Перевод с английского *Евгении Евмененко*

*By arrangement with Wisdom Publications
199 Elm Street, Somerville, MA 02114 USA
www.wisdompubs.org*

*Публикуется по согласованию с издательством
«Виздом Пабליкейинз» (Сомервилл, Массачусетс, США)
и Литературным агентством Александра Корженевского*

© Evolution Liberation, 1994, 2014
© Перевод на русский язык. Е. Евмененко, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО ИД «Ганга», 2021

Предисловие Дональда Свиера

Дхамма означает действовать так, как мы все должны действовать, чтобы быть настоящими людьми в течение всей жизни. Дхамма означает всецелую реализацию нашего потенциала как человеческих существ. Очень важно осознать, что Дхамма – это не просто «познание», но и «действие» в самом прямом смысле бытия человеком.

Буддадаса Бхиккху. Правильные действия, чтобы быть человеком (Kankratham Thi Thukdong Kae Quam Pen Manut)

Перспективное видение Буддадасы Бхиккху

Вышеприведённая цитата и сочинения, включённые в «Сердцевину дерева Бодхи», ясно показывают, что Пхра Дхаммакосачария Нгуам Индопанья, известный как Буддадаса Бхиккху, был одним из самых творческих мыслителей XX века в тайском буддизме Тхеравады. Лишь небольшая часть обширного собрания его сочинений была переведена с тайского на английский и другие европейские языки, что лишь подчёркивает важность этого сборника работ, проливающих свет на одну из главных тем размышлений автора, звучащую как «Нет ничего, за что стоило бы держаться как за своё „я“ или за „моё“», или, как гласит любимая фраза Буддадасы на пали: «*Sabbe dhammā nālaṃabhinivesāya*» («Не следует цепляться ни за что»).

Идея, которая для него олицетворяет нецепляние, – это *suññatā*, или пустотность, как данный термин переводится в этом сочинении. Для него в равной степени верно и то, что нецепляние – это важнейший смысл Четырёх благородных истин, безличности, зависимого возникновения, Ниббаны и даже самого Будды. Сердцевина буддизма – это угасание страданий, чего нельзя достичь без преодоления цепляния за «я», рождённого слепой привязанностью и неведением.

Суть того, чему учил Буддадаса, может быть выражена следующим образом: личность – это условность. Как таковой он / она является частью продолжающегося обусловленного процесса, лишённого природы «я», – процесса, на который можно лишь указать словами. Он функционирует в соответствии с универсальными законами природы. Это истинное, нормальное и нравственное состояние вещей. Быть безличным значит быть пустым от «я»¹ и, следовательно,

¹ Сочетание «пуст от чего-либо», хоть и является непривычным для нормативного русского языка, всё же можно считать

быть частью зависимого возникновения матрицы явлений и жить в гармонии с естественным этическим порядком общества, добровольно сдерживая себя во имя блага других.

Выпуск нового издания «Сердцевины дерева Бодхи» издательством «Виздом Паббликейшнз» (Wisdom Publications) даёт шанс поразмышлять о бросающем всем нам вызов воззрении Дхаммы и о её месте в мире, служение которому Буддадаса Бхиккху считал делом своей жизни. Активный критический мыслитель, сторонящийся «мейнстрима» буддийской Сангхи, Буддадаса последовательно отвергал любой абсолютизм в стиле своего основного принципа нецепляния. Особенно критично он был настроен по отношению к идеологическому абсолютизму и религиозному идолопоклонству, уделяя большое внимание защите окружающей среды и борьбе за социальную справедливость.

Вызов идеологического абсолютизма

Теория Буддадасы о двух языках (точнее, о двух уровнях языка – внешнем, физическом, литературном, условном – и внутреннем, духовном, символическом) бросает вызов дословному догматическому буквализму и упрощённым доктринальным идеологиям.

В своём труде «Повседневный язык / Язык Дхаммы» (Пхаса Кхон/Пхаса Тхам) Буддадаса анализирует смысл многих терминов: как религиозных (Будда, Дхамма, Ниббана, Бог), так и повседневных, например «человек». В обычном языке это слово относится к внешней форме, как во фразе «Мы увидели идущего по улице человека». Однако, по мнению Буддадасы, ограничивать наше понимание человека внешней, поверхностной оболочкой означает игнорировать глубинный Дхамма-смысл. На уровне Дхаммы человек рассматривается в свете своих особых качеств, подразумеваемых в этом понятии, в частности умственных качеств, относящихся к возвышенным умам или высокому уровню развития сознания.

Учение Буддадасы о повседневном языке и языке Дхаммы находит отклик в аналогичных идеях Тхить Няч Ханя, одного из основателей социально ориентированного буддизма, зародившегося во времена Вьетнамской войны. В это время он основал орден Тиеп Хиен, или Орден Взаимобытия. Вот как звучал первый из его четырнадцати постулатов:

Не будьте идолопоклонниками, не привязывайтесь ни к какой доктрине, даже буддийской. Все системы мышления лишь вспомогательные инструменты – это не абсолютная истина.

Чтобы объяснить этот постулат, Тхить Няч Хань указывал на известную метафору, уподобляющую учение Будды плоту, на котором нужно пересечь океан сансары и причалить к дальнему берегу: если мы цепляемся к плоту, мы упускаем суть. В работе «Я – покой» он пишет: «Орден Взаимобытия возник во Вьетнаме во время войны, когда разразился конфликт между двумя мировыми идеологиями. Во имя идеологий и догм люди гибли и убивали других. Если у тебя есть ружьё, ты можешь убить одного человека, двух, трёх, пятерых, но если у тебя есть идеология, которой ты крепко придерживаешься, считая её абсолютной истиной, ты можешь убить миллионы». Буддадаса Бхиккху и Тхить Няч Хань были конструктивными критиками идеологического абсолютизма и буквализма священных книг.

Вызов религиозного идолопоклонства

Буддадаса придерживался точки зрения, что мировые религии имеют разную историю, но общий фундамент. В своей провокационной беседе «Нет религии!» (Mai Mi Sasana) он шокировал тайскую аудиторию, сказав:

Обычные, невежественные миряне считают, что существует много религий и что они разные в той мере, в которой враждуют и противостоят друг

устоявшимся в буддийской литературе. Это необходимое исключение призвано подчеркнуть отличие слова «пустой» в обычном значении «ничем не наполненный» от буддийского «пустотный, то есть не обладающий неизменной внутренней природой».

другу. Они рассматривают христианство, ислам и буддизм как несовместимые религии и даже как заклятых врагов. Таково представление обычного человека, который рассуждает с позиции заурядного восприятия. Именно по этой причине религии враждуют друг с другом. Если же люди проникнут в основополагающую природу, они обнаружат, что в своей сути все религии одинаковы. Хотя они могут называться христианством, исламом и буддизмом, в своей сути они едины. Если люди смогут пройти вплоть до самого глубокого понимания, пока не постигнут абсолютную истину, они осознают, что здесь нет такой вещи, которую можно назвать религией, будь то христианство, ислам или буддизм. Таким образом, как они могут быть одинаковыми или конфликтовать друг с другом?

Такую же мысль он изложил в своей лекции в Чианг Мае (Таиланд) в 1967 году в Богословской семинарии Макгилвари:

Христианство и буддизм – это универсальные религии; они существуют, пока по-настоящему религиозные люди исповедуют свою веру в её самом лучшем проявлении. Если религиозные люди демонстрируют уважение к основателям других религий и к истине Дхаммы, которая лежит в их основе, они поймут это истолкование. Преданность религии выражается в прекращении эгоистических интересов и сомнений и, следовательно, ведёт к постижению универсальности и общности всех религий.

Всеобъемлющий универсализм Буддадасы является следствием его убеждённости в том, что непривязанность – это сердцевина буддизма и других религий. Излишняя озабоченность внешней атрибутикой религиозных институтов, их ритуалами и обрядами представляет собой отдельную форму привязанности, что, как следствие, скрывает реальный смысл религии, а именно преобразование эгоизма в альтруизм. Буддадаса особенно резко высказывался по поводу практик и ритуалов накопления заслуг, широко распространённых в традиционном тайском буддизме:

Большинство верующих думают только о том, что бы им сделать, чтобы получить вознаграждение. Сущность буддизма не в том, чтобы заполучить вещи, а в том, чтобы избавиться от них. Это и есть непривязанность.

Согласно Буддадасе, если мы цепляемся к внешним, сторонним, физическим формам, то видим всё в дуалистическом свете – хорошее или плохое, заслуга или грех, счастье или горе, это или то, моя религия против других религий. Именно из-за этого дуализма происходят религиозные конфликты. Универсализм Буддадасы противостоит такому подходу.

Проблемы разрушения окружающей среды

Идея Буддадасы о том, что природа – это Дхамма (*thamma pen thamma-chat*), противостоит общепринятым представлениям и действиям, касающимся охраны окружающей среды. Его восприятие освобождающей силы природы как Дхаммы побудило его на создание «Сады вдохновляющего освобождения» (Ват Суан Мок) – центра обучения и практики в Чае, Южный Таиланд. Для него природный ландшафт этого лесного монастыря был не чем иным, как средством личного преображения:

Деревья, камни, песок и даже грязь и насекомые могут разговаривать. Это не означает, как верят некоторые люди, что они духи или божества. Скорее, если мы станем обитать рядом с деревьями или горами, то откроем в себе чувства и мысли, возникающие вне обыденности. Прежде всего мы преисполнимся чувства покоя и тишины и однажды шагнём к чувству,

превосходящему самость. Через отделение от тревог и беспокойств обычного мира мы обретаем глубокое ощущение покоя, дарованного нам природой, что оберегает наше сердце и разум. Действительно, те уроки, которые природа даёт нам, ведут к новому рождению, которое превышает страданий, происходящих от привязанности к «я». Тогда деревья и горы могут говорить с нами. Они помогают понять, что это такое – остудить жар смятения, отчаяния, тревоги и страдания.

Буддадаса считает, что только пребывание на лоне природы – с деревьями, горами, землёй, песком, животными, птицами, насекомыми – может помочь нам забыть своё «я» и соединиться с Дхаммой. Разрушение природы – это разрушение Дхаммы. Разрушение Дхаммы – это разрушение нашей человечности.

Вызовы социальной справедливости

Снова и снова в своих трудах Буддадаса ставит под сомнение общепринятое, буквальное, узкое понимание буддизма и других религий, делая акцент на пользе универсальных принципов человеческого развития. Он призывает нас выйти за пределы отождествления себя в качестве тайских буддистов, американских христиан, иранских мусульман, с тем чтобы определить себя просто как человеческих существ. Он объяснял Четыре благородные истины как закон природы, и долг человечества – жить по этому закону. Необходимость следования природному закону отражает мнение Буддадасы о том, что все люди живут в одной и той же окружающей среде, где каждый является частью тех или иных сообществ, включённых в естественный порядок вещей. Взаимосвязь всего во Вселенной, в которой мы обитаем, – это естественное состояние. Действовать вопреки законам природы означает подвергнуть себя страданиям, потому что это вступает в противоречие с реальностью. Благо одного человека зависит от блага других, и наоборот.

Этический принцип блага для всего сущего основан на зависимом возникновении. Ничто не существует в изоляции, но всё сосуществует взаимозависимо как часть целого, будь оно человеческим, социальным, космическим или молекулярным.

Вся Вселенная – это сообщество Дхаммы (*dhammika sanghkhom*). В нём светит бесчисленное количество звёзд. Они выживают, так как следуют законам сообщества Дхаммы. Вся наша маленькая Вселенная с её Солнцем и планетами, включая Землю, – это одно сообщество.

Идея о дхаммическом сообществе отражает настойчивое акцентирование Буддадасой Бхиккху важности преодоления привязанности к самости и к «своему» (*tua ku khong ku*). По сути, и личное, и социальное благополучие заключены в трансформации эгоизма и себялюбия в эмпатию к другим и помощь им. Сообщество Дхаммы зиждется на базовом равенстве существ, превосходящем различия в гендере, этнической принадлежности или сословии. Всё это, конечно, не отменяет наличие отличительных черт у индивидов и у сообществ. Однако всем людям, какую бы позицию они ни занимали и какой бы статус ни имели, следует понимать, что их благополучие зависит от благополучия остальных.

В своём предисловии я указал на некоторые темы, но нет возможности исчерпывающе описать дух и оригинальность Буддадасы Бхиккху в его истолковании Дхаммы Будды. «Сердцевина дерева Бодхи» – это великолепный экскурс в буддийскую философию и одновременно знакомство с одним из самых ярких тхеравадинских мыслителей современной эпохи.

Предисловие Джека Корнфилда

Несколько фигур, дающих замечательные и бескомпромиссные учения, которые ясно передают вневременную суть Дхаммы, выделяются в современном буддизме. Для меня в Тхераваде нет иного мастера, читать которого доставляло бы мне большее удовольствие, чем Буддадаса Бхиккху. Если бы он родился в Японии, его бы объявили живым национальным достоянием; и, действительно, к концу жизни он стал одним из самых известных и почитаемых учителей, которых подарил миру тайский буддизм.

Аджана Буддадасу не интересовали ритуальные практики буддизма, а также обычные религиозные формы и условности, столь популярные в Азии. Его интриговала только одна вещь, одна-единственная вещь – истина любой ценой. Когда кто-то навещал его, он встречал его как настоящий духовный друг. В отличие от традиционных буддийских учителей, он не ожидал ни от кого поклонов, приглашал присесть рядом с ним, с потрясающей глубиной и сердечной искренностью обсуждая духовную жизнь и задавая пришедшему вопросы, словно близкому другу.

Его прямота, как и его учение, были известны во всём Таиланде. Он не стеснялся в выражениях. Он упоминал целые вереницы автобусов, которые останавливались у ворот монастыря по мере возрастания его популярности. Порицая тех посетителей, которые приходили туда, словно в парк развлечений, он шутил, что подозревает их в том, что они пришли в монастырь лишь потому, что им понадобился туалет. При этом если гости были честны, Аджан Буддадаса делал всё возможное, чтобы донести до них Дхамму, жизненный закон, в самой прямой и насущной манере. Он называл хорошие лекции по Дхамме великим мероприятием по общественному оздоровлению и глубоко верил, что возвышенная Дхамма может быть преподана всем – от бабушек и дедушек до самых юных учеников. Он верил, что все, кто желает это сделать, смогут постичь окончание скорби и пробудиться к огромному счастью Будды.

«Если вы не способны постичь безличность, – говорил он, – вы можете постичь неэгоистичность. В такой простой идее тоже можно найти свободу и счастье Будды».

С самого основания монастыря около шестидесяти лет назад все действия Аджана Буддадасы были примером его мужественной приверженности истине. Он запретил устанавливать статуи Будды и отказался от любых религиозных обрядов и практик накопления заслуг. Вместо того чтобы строить большой зал для проведения традиционных монашеских церемоний, он установил огромные камни в круг под деревьями, чтобы воссоздать атмосферу святого места, существовавшего в лесах Индии 2 500 лет назад. Его Дхамма-холл был сделан подобно театру,

в котором посредством картин и слов была изложена сущность учения так, чтобы её смогли понять даже необразованные крестьяне.

«Сад освобождения» напоминал дзенский парк, окружённый могучими древними деревьями. Такой спокойный и прекрасный дизайн сада был выбран Аджаном Буддадасой много лет назад, потому что, по его мнению, это вызывало умиротворение и радость у посетителей. Подобно тому как Будда приглашал насладиться спокойной жизнью в лесу и счастьем жизни в Дхамме, все гости Буддадасы словно получали прохладительный бальзам на сердце.

В свои восемьдесят Аджан Буддадаса часто сидел возле дома на скамейке, в тени деревьев, пребывая в тихой радости и покое. Он испытывал небывалое удовольствие от жизни согласно Дхамме, проповедуя Дхамму, прогуливаясь с Дхаммой, вдыхая Дхамму. Навестив его спустя много лет отсутствия, я увидел, что его ум такой же ясный, как и прежде, – лёгкий, словно облако, и открытый, словно небо.

Аджан Буддадаса упоминал о целительной силе деревьев и тропинок Суан Мока. Когда я задал ему вопрос о том, как западным людям, которые начали свой духовный путь, имея глубокие травмы, боль и ненависть к себе, выбрать лучший способ для личной практики, он дал две рекомендации. Первая состояла в том, что духовная практика должна быть объята дружелюбием, или меттой. Вторая – нужно жить на природе, в чудесном лесу или в горах. Медитирующим следует оставаться там достаточно долго, чтобы осознать себя частью природы, почувствовать гармонию с жизнью и найти своё место среди всего сущего.

В Суан Моке есть лотосовый пруд, возле которого находится сделанный в форме огромной лодки Дхамма-холл, что символизирует преодоление потоков скорби на пути к свободе Пробуждения. С естественной простотой Аджан Буддадаса предлагает нам лодку, то есть Дхамму – учение о законе природы. В своей книге он называет это «одной-единственной горстью листьев», которую, как и Будда, подаёт нам в качестве сердцевины учения. Всё, что нам нужно, чтобы понять страдания и скорбь, понять всю природу нашей жизни, подобно одной горсти в сравнении со всеми листьями в лесу. Он не превозносит ни Тхераваду, ни Махаяну, ни Ваджраяну, но лишь обнажает сердцевину учения, которая превышает любых буддийских школ. Ту сущность Дхаммы, которой он обучал, Аджан Буддадаса называет Буддаяной – Великой колесницей Будды.

Книга «Сердцевина дерева Бодхи» – выдающийся пример такой сущности. В этой книге Буддадаса превосходно, глубоко и просто обучает нас значению пустотности, или, на пали, *suññatā*, которая является для него нитью, связывающей все школы буддизма. Он показывает, как центральное для Махаяны и Ваджраяны учение было также основательно отражено в ранних словах Будды. Он учит истине пустотности так же доступно, открыто и щедро, как он приглашает нас в свой лес. Постичь пустотность, по его мнению, означает постичь все дхаммы; постичь пустотность – это увидеть, что приносит покой и лёгкость; постичь пустотность – это узнать, что всё идёт своим чередом.

Искусно подбирая слова, Аджан Буддадаса предлагает нам открывать всё более глубокие смыслы пустотности. Он призывает исследовать и рассматривать природу пустотности в нашей жизни. Обратите внимание, какие простые и вместе с тем знаковые вещи он говорит. Он демонстрирует, что посредством пустотности даже в повседневной жизни люди могут испытать Ниббану, освобождение. Аджан Буддадаса доказывает, что пустотность – это глубокий, но всё же знакомый многим опыт, и там, где есть она, есть и свобода. По его мнению, Дхамма пустотности находится за пределами добра и зла, обретения и потери, и её нельзя возвращать, за неё нельзя цепляться и её нельзя найти через какие-то специальные практики и состояния. Вместо этого самые глубокие учения Будды можно обнаружить на своём сокровенном опыте и в непосредственном переживании.

Аджан Буддадаса приглашает нас исследовать нашу истинную природу, шагнуть за рамки двойственности деления на «себя» и «других», открыв то, что ведёт к не-самости и не-смерти.

Он учит, что пустотность лежит в основе всех вещей, вне зависимости от их чистоты или загрязнённости. Он напоминает нам, что Будда пребывал с познанием пустотности и что высшая пустотность есть обитель всех великих существ. Затем он «приземляет» своё учение, уверяя каждого пережить Ниббану здесь и сейчас.

Все наставления Буддадасы основаны на чрезвычайно осторожном, научном подходе. Он систематически извлекал из всех томов слов Будды самую суть, основу Дхаммы. Его подход был вызывающим по отношению ко многим современным интерпретациям, в том числе потому, что он отбрасывал – как более поздние недоразумения – истории о прошлых и будущих жизнях и всю сложную систему Абхидхаммы. Он считал, что все учения Будды могут быть напрямую испытаны нами в каждый момент. Если его спрашивали, как проверить, является ли что-то словами самого Будды, он говорил, что Будда вёл речь о пустотности, звонил в колокол пустотности, и всё, что не касается темы пустотности, – это не слово Будды.

Ясное учение Буддадасы о сердцевине Дхаммы вдохновляло многих выдающихся учителей его поколения. Они с Аджаном Чаа, моим первым учителем, зачастую обменивались трогательными тёплыми подарками через монахов, которые путешествовали по их лесным монастырям. Эта книга и это учение внутри неё есть тёплый подарок Аджана Буддадасы вам. Это настоящее сокровище, дарованное из сострадания. Если вы поймёте глубокий смысл пустотности внутри себя, вы обретёте свободу бессмертия. И тогда, как и предсказывал Будда, в мире не переведутся пробуждённые существа, до тех пор пока есть те, кто практикует правильно.

Вступление

Слово *suññatā* (произносится как «суньята») со времён Будды имеет пёструю историю интерпретаций и толкований. Из-за того что сейчас существует много книг по буддизму на английском языке и самые разные толкования преподносятся как буддийские, нам нужно ответить учению о *suññatā* надлежащее место в самом центре буддийских теории и практики. Это может быть сделано лишь при условии, что мы верно понимаем его смысл и важность. Надеемся, что эта небольшая книга поможет обрести такое понимание. Здесь мы проводим исследование, каким образом *suññatā* представлена в палийских текстах буддизма Тхеравады.

В Южном Таиланде, где Буддадаса Бхиккху рос в начале XX века, буддизм был неотделим от культуры. Тот традиционный крестьянский буддизм предлагал систему верований, лежащую в основе всей сознательной жизни, структуру этики, управлявшую социальными взаимоотношениями, и ответы на сложные жизненные вопросы. Появление каучуковых плантаций, рыночной экономики, зарубежных специалистов, туризм и модернизация жизненного уклада изменили всё это. Капитализация и урбанизация в итоге разрушили старую социальную структуру и ту этическую систему верований, на которой она основывалась. Прежние убеждения уже не сочетались с тем, чему обучали в школе, что показывали по телевидению и внедряли в умы посредством государственной политики. С тех времён тайский буддизм сражается за то, чтобы оставаться верным своим глубоким духовным корням и доказывать свою значимость даже в условиях современных реалий. Даже сейчас многим людям недоступно то, что уже давно понял Аджан Буддадаса, – что только вневременная Дхамма, то есть *suññatā* (и близкие ей законы природы), способна выстоять рядом с наукой и направлять человечество в эпоху материального и технического прогресса.

Когда Буддадаса был молодым монахом (30-е годы прошлого столетия), старшие наставники не одобряли лекции о таких вещах, как безличность, зависимое возникновение, таковость и пустотность (*anattā, paṭicca-samuppāda, tathatā, suññatā*). Считалось, что простым людям это недоступно. Подходящими и достаточными для широких масс признавались древние и не всегда принадлежащие собственно буддизму идеи о камме, перерождении, накоплении благих заслуг, небесах, адах. По этой причине самые глубокие учения Будды оставались вне публичных обсуждений, и лишь немногие монахи уделяли им внимание, хотя эти слова регулярно включались и декламировались во время группового начитывания текстов и молитв (чантингов) и занятий. Только некоторые серьёзные мыслители и любознательные молодые монахи интересовались этим.

В свой первый год после принятия монашеских обетов Буддадаса Бхиккху упоминал *suññatā* в своих наставлениях, потому что она обсуждалась во время его обучения, но тоже не придавал ей особого значения. В то время *suññatā* объяснялась как «ничто, исчезновение, пустое место», и с ней было связано немало предрассудков. Только погрузившись в изучение слов Будды и получив ясные пояснения, Буддадаса Бхиккху начал осознавать смысл и значимость пустотности. В своих беседах он стал говорить о ней всё чаще и чаще, несмотря на недовольство других монахов, просивших его воздерживаться от *anattā*, *suññatā* и других «слишком сложных тем» Дхаммы.

В 1991 году Буддадаса Бхиккху ответил, почему он идёт против пожеланий старших монахов и обучает *suññatā*. Он сказал: «Потому что сердце или смысл буддизма – пустота, или отсутствие „я„ (*attā*). Это суть, квинтэссенция буддизма, так как большинство других учений учат *attā*. Будда учил, что нет ничего, что могло бы рассматриваться в качестве „я“».

Когда его спрашивали, есть ли кто-то, знающий о *suññatā*, Аджан говорил, что не уверен в этом и что причина в неверном использовании понятий. Слово «пустотность» часто переводили на тайский как *suñ plao* («ноль, пустое место, ничто»). Обычные люди и поклонники Абхидхаммы любили переводить *suññatā* как «пустой ноль», бесполезность или никчёмность. И перевод был некорректный – оттого что некорректным было понимание. Вследствие непонимания никто не мог получить от этого пользу. Дхамма этого слова была утрачена. На самом деле *suññatā* необходимо понимать как пустотность, или свободу от «я», пустотность, или свободу от «своего».

В своей книге Буддадаса Бхиккху делает упор на то, что сердцевина, экстракт буддийского учения – это практика нецепляния. Это пребывание с умом, пустым от самости и чего-то, принадлежащего ей. Он виртуозно показывает нам, как развивать эту практику и как сделать пустотность своим фундаментальным принципом. Если мы сделаем это, то получим прекрасный инструмент для постижения и извлечения пользы из каждой из великого множества идей и искусных методов, лежащих в основе буддийской традиции. Данный инструмент также позволяет нам отделить зёрна от плевел. Свободно используя материал из Палийского канона, Буддадаса Бхиккху превращает пугающе абстрактные понятия в насущные и практичные рекомендации и идеи.

Текст, переведённый здесь, представляет собой обсуждение темы пустотности, впервые взятой в качестве основного предмета беседы, в самых подробных деталях. Позднее Буддадаса Бхиккху стал объяснять *suññatā* в терминах, которые каждый, на его взгляд, мог понять; он стал говорить о *cit wāng* – пустом уме (или свободном уме). Многие традиционалисты, учёные и сторонники западного пути развития возражали ему. Как уже происходило с ним в прошлом, Буддадаса Бхиккху стал предметом критики в газетах и в институтах: «Это Махаяна, это не буддизм». В итоге *suññatā* и *cit wāng* всё же приобрели широкую известность, и многие впервые стали понимать их в верном ключе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.